

1941 год - интервью с моей бабушкой 1

[ВИДЕО В YOUTUBE](#)

Здравствуйте, дорогие друзья. Меня зовут Татьяна Климова. Вы находитесь на моём канале, и сегодня у меня в гостях моя бабушка Эмма Васильевна.

Hi, my dear friends. My name is Tatiana Klimova. You are on my channel; today I'm with my granny, Emma Vasilyevna.

Я хотела бы, чтобы бабушка мне рассказала о своих воспоминаниях о войне. Бабушка, сколько тебе было лет в 41 (сорок первом году)?

I would like Granny to tell me about her war memories. Granny, how old were you in '41?

Девять.

Девять лет, хорошо. И какое у тебя было самое яркое воспоминание о войне?

I was nine.

Nine, OK. What's your most vivid memory from the war?

Ну вот одно из воспоминаний. Мы жили в белорусском городе Пинске. Город чем характерен: он окружён болотами. И поэтому, когда началась война, немцы не могли спустить танки.

Here is one of my memories. We lived in a Belarusian town of Pinsk. It was surrounded by marshes. That's why, when the war began, the Germans couldn't send in tanks.

А они спускали десант. Но так получилось, что у нас должно было быть открытие лагерей. Потому что все лётчики было в лагерях. И мы приготовились туда ехать. Ждали автобусы.

They sent landing forces instead. The thing is, we had a barracks opening ceremony. All of the pilots were in the barracks. We were ready to go there too. We were waiting for the buses to arrive.

Вдруг спускается лётчик, который был в санатории, и говорит: Чего вы стоите? Посмотрите: бомбят. А рядом с нами находился артиллерийский гарнизон. И там были взрывы уже слышны.

And then came a pilot who was staying in the sanatorium and says, "What are you waiting for? Look, they're bombing us." There was an artillery post not far away, you could already hear explosions.

Ну мы по наивности подумали, что это уже начинается демонстрация, представление для нас в лагере. Началась война, и нас всех детей и всех взрослых отвезли в город.

We were naive enough to think that celebrations had started, a show for us in the camp. The war had begun and all the children and adults were taken into town.

Чтоб оттуда можно было сесть в эшелон и уехать.

А извини, твой отец (мой прадедушка) он был лётчиком, да?

From there, we were supposed to take a train.

Sorry, your father (my great-grand-father) was a pilot, right?

Да, он был бомбардировщик, штурман бомбардировщика. Да, они все были в лагерях.

Никого с вами не было?

Yes, he was a bomber, he flew a bomber plane. They were all in the barracks.

Nobody was there with you?

Никого не было, один был военный. Он доставал нам автобус и всё, нас вывезли в город. А потом решили: ну что же мы, остались безо всего. Хотя бы документы взять и что-то тёплое.

Nobody, just one officer. He found a bus and everything, we were brought in town. And then we realised we'd left everything behind. At the very least, we needed our passports and something warm to wear.

Потому что было понятно, что нас будут эвакуировать. И моя мама взяла брата, который был старше меня на семь лет, и поехала с ним в этот... А мы остались в городе.

It was clear that we would be evacuated. My mother took my brother, who was 7 years my senior, and went back with him... and we stayed in town.

В это время подали эшелон и сказали: немедленно всем ... значит, погружайтесь.

Извини, а эшелон – это поезд или...?

At this point our transport arrived and we were told: immediately, everybody, get in.

It was a train, right?

Это был поезд. Нас было четверо детей: девочка 13 лет, самая старшая. Я – 9. Мальчик шести. Девочка пяти. Ну, нас привезли. Где-то были родители, в основном были дети без родителей.

It was a train. There were four children: girl of 13 years old, the eldest. Me, 9. A boy of 6, and a girl of 5. They brought us. There were some parents, but mostly children without parents.

Привезли на вокзал и стали требовать, чтобы мы погружались, говорили: погружайтесь. Только мы начали погружаться, как начались бомбёжки и взрывались все боеприпасы, которые находились возле аэродрома.

We were brought to the station and told to get on the train: just get on. We started to get on, but then the bombing began and ammunition exploded near the airfield.

Нам начали кричать: выгружайся! И мы, маленькие дети, полезли на высокие платформы. Выгрузились. Опять стали кричать: загружайся! И вот мы так бегали без конца.

We were told to get off. We, young children, climbed onto the high platforms. We got off. Then we were told to get on again. We kept running all the time.

Наконец погрузились в тёмный поезд. И он тронулся. Машинист был очень, наверно, опытный. То он быстро шёл, то он останавливался, то он пятился назад.

At last we got on this dark train. It departed. The driver must have been very experienced. Sometimes he went fast, sometimes he stopped, sometimes he backed off.

А нас бомбили, бомбили и бомбили. А он скрывался. Поезд был в темноте, не зажигались нигде огни.

Страшно было?

We were bombed, bombed and bombed. It tried to hide. The train moved in the darkness, no lights around.

Were you scared?

Страшно было. Мы четверо прижались, в углу сидели. Взрослых нет, одни дети. Конечно, страшно.

То есть вас разлучили с родителями?

We were scared. The four of us squeezed together in a corner. No adults, just children. Of course we were scared.

So, you were separated from your parents?

Да. И мы наблюдали бой нашего ястребка с немецкими самолётами. Мы не знали тогда, что это за самолёты. Это, вероятно, были мессершмитты.

Yes. And we witnessed a dogfight between one of our Yastreb planes and some German planes. Back then, we didn't know what kind of planes they were. Maybe Messerschmitts.

И он, конечно, героически с ними сражался. Но силы были неравные, и он погиб.

И вы это видели?

He fought heroically. But the forces weren't equal, and he died.

Did you see it?

Мы это видели. В это время по поезду, по вагону шла женщина, она меня увидела и сказала: А где мама? Я говорю: а мама поехала с Шуриком взять что-нибудь тёплое.

We saw it. At the same time, a woman was walking through the train. She saw me and said, "Where is your mama?" I said that Mama went with Shurik (my brother) to pick up some warm clothes.

Она пошла, принесла нам буханку чёрного хлеба. И мы четверо сидели и её ковыряли. Я этот день никогда не забуду, потому что была ночь, а вот от взрывов,

She came back with some rye bread. Four of us sat there and picked at it. I will never forget that day, because it was night-time, but mostly because of the explosions.

от свиста бомб, которых до сих пор у меня в ушах. Было страшно и светло как днём. Кругом всё взрывалось, свистело. То кричали Погружайся! То кричали Выгружайся! Мы бегали, бегали, бегали. И наконец эшелон тронулся.

and the noise of bombs which is still in my ears. I felt scared, the sky was as bright as during the daytime. Everything exploded and hissed. Get on! Get off! We kept running. And the train departed.

Он шёл к Гомелю. Это в Белоруссии, да. И туда, оказывается, и лётчики, и мой папа туда поехал, потому что разбомбили все самолёты ещё на аэродроме.

It was going towards Gomel. That's in Belarus. Actually, my father also went there with all the pilots, because all the planes were destroyed by bombs before they could leave the airfield.

Все лётчики бежали... как дети рыдали. Не могли добежать даже до самолётов, потому что всё разбомбили, и они оказались без самолётов. И они двинулись к Гомелю.

The pilots ran crying like children. They didn't have time to reach the planes, they were all destroyed. They ended up without any planes and headed towards Gomel.

Ты говорила, что было четыре эшелона с детьми. И все четыре дошли?

Нет, было четыре эшелона. Как маме моей сказали, что все разбомбили, один только уцелел.

You said that there were four trains full of children. Did they all arrive?

No. As my mother was told, there were four trains, and all but one were destroyed.

И уцелел только наш.

И то есть все дети, люди, которые были в трёх других эшелонах – они погибли?

Except our train.

You mean that all the children, all the people in those three other trains, they died?

Да, погибли. Привезли нас в Гомель. Сдали в Дом матери и ребёнка. И эта женщина из родительского комитета сказала: Сидите, никуда не выходите.

Yes, they died. We arrived in Gomel in the House of Mother and Child. That woman from the family committee told us: Stay here, don't go anywhere.

Потому что если мамы будут ехать, они сюда. Они не минуют Гомель. И вдруг она бежит и кричит: Воропаева (фамилия мамы), твоя дочь жива! И я вспоминаю, как мама, как в кино:

Because if your mothers are coming, they won't miss Gomel. And then suddenly she's running and shouting: Voropayeva (mother's name), your daughter is alive! And I remember, just like in a movie:

С одного конца платформы бежит мама, с другого – бегу, спотыкаюсь, реву, смотрю! А она схватила, прижала, говорит: Никуда не пущу.

My mother was running from one side of the platform. I was running from the other side, stumbling, crying, looking for her. She grabbed me, hugged me and told me: I'll never let you go again.

После этого нас распределили, кто куда поедет эвакуироваться. Мы записались на Кавказ, и хорошо, что мы туда не попали.

After that we were dispatched to different evacuation places. We had asked to go to Caucasus, but were lucky enough not to go there.

Потому что всех детей военных там расстреляли в станице. И нас отправили на Волгу. И мы десять суток ехали в телячьем вагоне. Но это уже другая история.

Because in villages in the Caucasus, all of the soldiers' children were shot. We were sent to the Volga. We spent ten days in cattle trains. But that's another story.

Большое спасибо. Дорогие друзья, в следующем видео моя бабушка, Эмма Васильевна, расскажет о ещё одном воспоминании о войне. Подписывайтесь на мой канал. Пока.

Thank you so much. Dear friends, in the next video my grand-mother Emma Vassilyevna will tell us about another war memory. Subscribe to my channel. Bye.